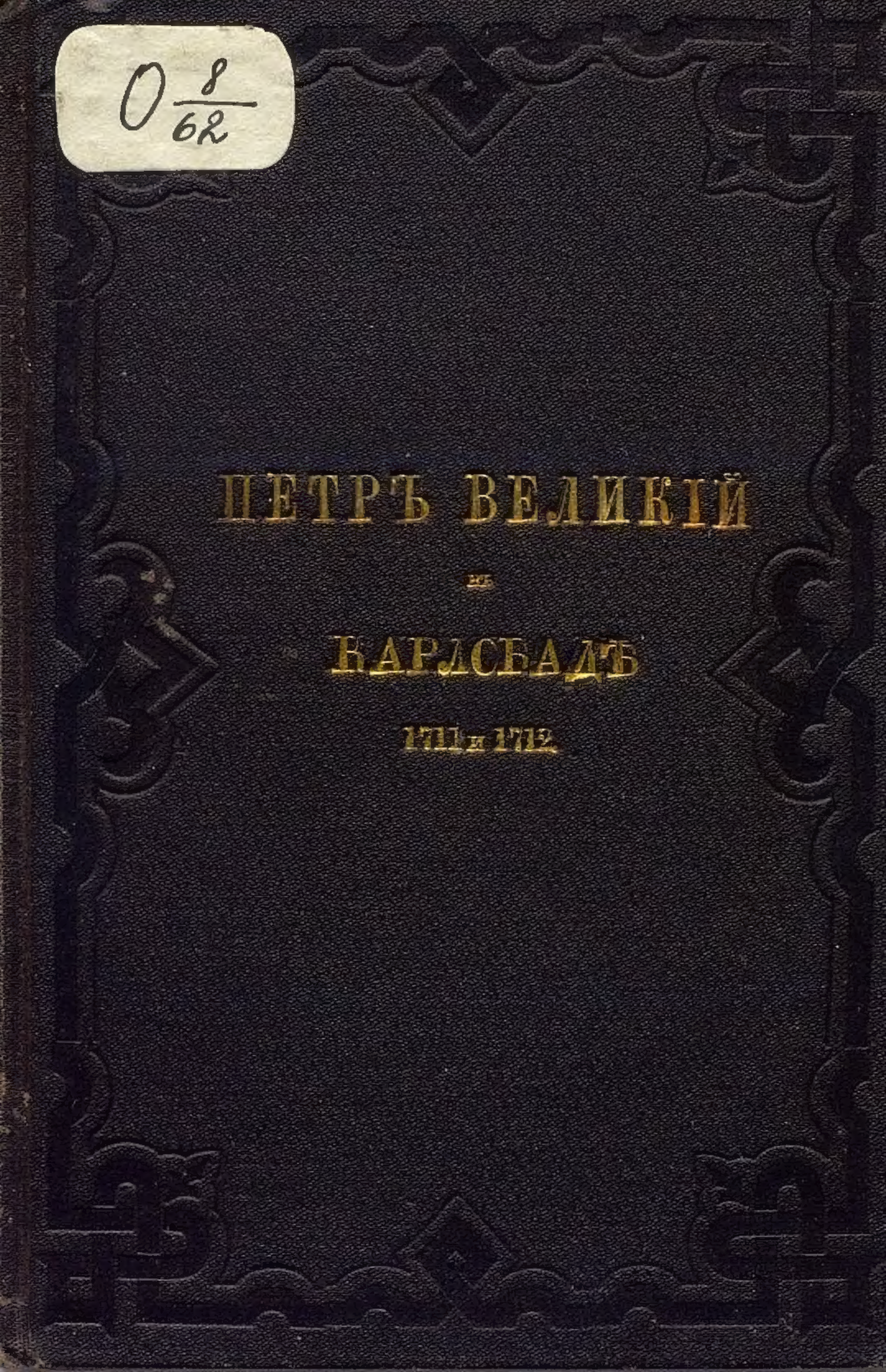

O 8/62
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
въ
КАРЛСБАДѢ
1711 и 1712

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ

КАРЛСБАДѢ

1711 и 1712.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

СОБРАННЫЯ ПРОТОІЕРЕЕМЪ:

К. Л. КУСТОДІЕВЫМЪ.

Рѣчь, произнесенная въ собраніи Русскихъ въ Карлсбадѣ въ день празднованія 200-лѣтней годовщины Рожденія П. В. 30. мая 1872 года (съ приложеніемъ слова, сказаннаго имъ же въ этотъ день въ карлсбадской церкви, и литографическаго вида дома „Pfau.“

Въ Буда-Пештѣ.

Типографія венг. кор. университета.

—

1 8 7 3.

2007099176

J. Schäller Carlsbad.

Видъ съ рѣки Теплой дома, на лѣсахъ котораго работалъ

Петръ I.

ПАМЯТИ

ВЕЛИКАГО ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЯ

РОССІИ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

въ

КАРЛСБАДѢ

1711 и 1712. *)

(Рѣчь произнесенная Протоереемъ К. Л. Кустодіевымъ въ собраніи Русскихъ въ Карлсбадѣ въ день празднованія 200-лѣтней годовщины Рожденія П. В. 30. мая 1872 года).

Первый разъ Петръ Великій пріѣхалъ въ Карлсбадъ въ октябрѣ 1711 года. Его сопровождала многочисленная свита вмѣстѣ съ посланниками: Германскимъ, Польскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ и Ганноверскимъ. Встрѣтилъ и принялъ его здѣсь тогдашній Губернаторъ Богеміи Графъ Вратиславскій во главѣ отряда Императорской гвардіи. Конечно и народонаселеніе Карлсбада не осталось равнодушнымъ въ ожиданіи такого великаго гостя. Бывшіе въ Карлсбадѣ пять или десять лѣтъ тому назадъ еще были

---

*) При составленіи этой рѣчи авторъ пользовался Альманахомъ Д-ра Каро, старинными календарями и описаніями Карлсбада, изъ которыхъ у него въ рукахъ было рѣдкое изданіе: Neu-verbessertes und vermertes denkwürdiges Kaiser Carls-Baad. Anno 1734, которые онъ нашелъ въ библіотекѣ Карлсбадской Думы, и устными преданіями, за которыя онъ обязанъ особенно старѣйшему изъ Карлсбадскихъ докторовъ 80-лѣтнему Д-ру Берману.

свидѣтелями того стариннаго, только съ установленіемъ прямаго желѣзнодорожнаго сообщенія здѣшняго города совершенно изчезнувшаго обычая, по которому жители города съ музыкой и радостными привѣтсвіями и благожеланіами встрѣчали и провожали едвали не каждую карету, не каждый омнибусъ. И любили встрѣчать и провожать со всевозможнымъ великолѣпіемъ особенно русскихъ знатныхъ особъ. Имена Орлова-Чесменскаго, Разумовскаго отъ прошлаго столѣтія, Демидовыхъ уже отъ второй и даже третьей четверти нынѣшняго столѣтія здѣсь извѣстны и памятны каждому; живы еще старики, считающіе себя, когда они были мальчуганами, въ числѣ счастливцевъ, такіе успѣвшихъ поймать по червонцу, которые русскій вельможа горстями бросалъ во втрѣчавшую его толпу изъ быстро мчавшейся своей кареты. Эти времена, говорятъ теперь, прошли безвозвратно. Но онѣ были; карлсбадцы со вздохами вспоминаютъ о необыкновенной щедрости русскихъ, и только русскихъ. Нельзя думать, что Петръ Великій былъ относительно карлсбадцевъ скупѣе русскихъ вельможъ, и жители едва ли были къ нему менѣе любезны и внимательны. Здѣсь русскаго Царя помнятъ болѣе, чѣмъ кого нибудь.

Два дома на старомъ Лугу (Alte Wiese) оспориваютъ честь принимать къ себѣ нашего великаго Императора, это Бѣлый Заяцъ (Weisse Hase) и Красный Орелъ (Rothe Adler). Споръ идетъ конечно не о самомъ томъ домѣ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, а только много — много о стѣнахъ вмѣщавшихъ его жилище, потому что въ 1759 году

страшный пожаръ истребилъ почти весь Карлсбадъ и именно на Старомъ Лугу неуцѣлило тогда ни одного дома.

Докторъ Каро въ своемъ Карлсбадскомъ Альманахѣ за 1853 годъ собравшій нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи здѣсь Петра Великаго, склоняется въ пользу Бѣлаго Зайца. Въ залѣ здѣшняго стрѣлковаго Общества хранится, между прочимъ, одна мишень, прострѣленная Петромъ, на которой изображена его лечебная комната. Докторъ Каро усматриваетъ на этомъ изображеніи балконъ. А на самомъ старинномъ видѣ Карлсбада, относящемся къ 1726 году, изъ всѣхъ домовъ Стараго Луга съ балкономъ виденъ только одинъ домъ на томъ мѣстѣ, на которомъ теперь стоитъ домъ Бѣлаго Зайца. Полагая, что этотъ домъ носилъ тогда названіе : Zum Rothen Erker (краснаго Балкона), Докторъ Каро отсюда заключаетъ, что въ этомъ зданіи съ балкономъ и жилъ Петръ Великій. Я нарочно осматривалъ сказанную мишень : она представляетъ внутренность комнаты, которую ниже я опишу, и только необыкновенно пылкая фантазія можетъ усматривать здѣсь балконъ, который конечно долженъ имѣть видъ на улицу.

Это предположеніе и есть единственное основаніе притязаній Бѣлаго Зайца. Любопытно, что въ опроверженіе притязаній Краснаго Орла докторъ Каро выставляетъ ни на чомъ неоснованное утвержденіе, что дома Краснаго Орла въ 1711 году несуществовало-де. Между тѣмъ тотъ же видъ Карлсбада 1726 года, послужившій для доктора Каро въ его предположеніи въ пользу Бѣлаго Зайца, показы-

ваетъ всю улицу Стараго Луга, даже далѣе дома Краснаго Орла, почти въ томъ видѣ, въ какомъ она находится теперь, только безъ низенькихъ лавочекъ по берегу Теплой. Правда, что здѣсь можно видѣть домикъ съ балкономъ, но странно, что докторъ Каро, незамѣтилъ тутъ и Краснаго Орла. Эту странность мы можемъ объяснить только однимъ, имѣющимъ впрочемъ основанiе въ преданiи, предположенiемъ: докторъ Каро издавалъ свой альманахъ для карлсбадскихъ гостей на французскомъ языкѣ и свѣдѣнiя о Петрѣ Великомъ напечаталъ въ то время, когда въ Карлсбадѣ ежегодно живалъ Демидовъ въ домѣ Двухъ Монарховъ какъ разъ противъ Бѣлаго Зайца на противоположномъ берегу рѣки Теплой; Демидовъ, по преданiю вполнѣ поддержалъ вниманiе жителей къ русской щедроти. А когда щедроть эта проявляется нѣсколько необычно, то люди пользующiеся ею какъ то особенно бываютъ разположены спекулировать ею. Стоя на большомъ балконѣ дома Двухъ Монарховъ г. Демидовъ стоялъ прямо противъ балкона маленькаго домика Бѣлаго Зайца, гдѣ онъ могъ воображать стоящимъ Великаго Монарха, выдвинувшаго на свѣтъ его перваго извѣстнаго предка. И его богатому потомку ужъ не прiобрѣсти ли мѣстожительства благодѣтеля его фамилiи!... Я прошу, да проститъ мнѣ покойный почтенный докторъ Каро, мое предположенiе, если оно ошибочно. Но меня утверждаютъ въ этомъ предположенiи мѣстнымъ преданiемъ.*)

*) Любопытно, что г. Демидовъ (незнаю какой) весьма интересовался преданiями здѣсь о Петрѣ Великомъ и непрочь былъ купить домъ - жилище Петра; въ 1854 году онъ заявилъ Думѣ желанiе, оффицiально записанное,

Домъ Краснаго Орла имѣетъ за себя прежде всего преданіе, правда такое, котораго генеалогію до самаго времени пребыванія Петра Великаго въ Карлсбадѣ прослѣдить нельзя, но которое все таки очень ранне. Въ 1756 году Докторъ Тиллингъ изъ Аннаберга въ Саксоніи, въ бытность свою въ Карлсбадѣ видѣлъ, какъ онъ пишетъ, въ домѣ Краснаго Орла у токаря Heidmann (фамилія теперь изчезнувшая) табакерку, выточенную Петромъ Великимъ изъ слоновой кости во время пребыванія его въ этомъ домѣ. Преданіе это тѣмъ болѣе важно, что оно записано за три года до пожара 1759 г., который истребилъ почти весь городъ, послѣ чего возникавшіе изъ обгорѣлыхъ стѣнъ многіе дома измѣнили свои названія и память многое могла перепутать. И замѣчательно, что Д-ръ Тиллингъ домъ Краснаго Орла и до пожара упоминаетъ съ тѣмъ же именемъ, которое онъ сохраняетъ доселѣ, между тѣмъ какъ названіе Краснаго Балкона изчезло.

Это преданіе почти чрезъ сто лѣтъ оживилось еще однимъ обстоятельствомъ : въ 1846 году на чердакѣ дома Краснаго Орла находится другая находка, оттуда выходитъ столъ, три ножки котораго, какъ говоритъ находящаяся на немъ надпись, будто выточены Петромъ Великимъ. Исторію этого стола я расскажу ниже. Теперь же замѣчу, что если происхожденіе ножекъ этого стола подлинно, то вѣроятность пребы-

---

впрочемъ неисполненное, поставить въ Карлсбадѣ памятникъ Петру I. Объ этомъ Демидовѣ хранится преданіе, что когда у него родился сынъ въ домѣ Двухъ Монарховъ, то въ этотъ вечеръ съ балкона собравшейся толпѣ онъ разбросалъ нѣсколько тысячь рублей золотомъ,

ванія въ этомъ домѣ Петра въ нихъ находитъ новое подкрѣпленіе; потому что по мѣстному преданію, Петръ дѣлалъ деревянныя модели крѣпостей и вообще занимался токарнымъ искуствомъ у себя дома въ домашнемъ длинномъ шлафрокѣ з е л е н а г о цвѣта.

Есть еще третье обстоятельство, на которое не обратилъ вниманія докторъ Каро и которое склоняетъ меня рѣшительно въ пользу Краснаго Орла. Несомнѣнный фактъ, записанный въ памятной книжкѣ здѣшняго городскаго головы Франца Даймеля, который жилъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но фамилія котораго была и во времена Петра, и имѣющій основаніе въ преданіи, тотъ, что для своихъ молитвъ „по московскому или греческому" обряду русскій Царь избралъ высоту позади дома М а т р о с ъ на Новомъ Лугу (Neue Wiese) и отправлялся туда ежедневно по узенькой улицѣ къ мѣсту, гдѣ находится и теперь деревянный большой крестъ противъ недавно выстроеннаго дома М о н т б л а н ъ. Чтобы небыть развлеченнымъ, Царь во время молитвы разставлялъ въ нѣкоторомъ разстояніи вокругъ нѣсколько своихъ слугъ. Въ 50 годахъ были еще живы нѣсколько стариковъ, которымъ матери очевидцы разсказывали въ дѣтствѣ объ этомъ казавшемся для нихъ странномъ богомольѣ русскаго Царя, и указывали самое мѣсто богомолья. По изображенію вида Карлсбада въ 1726 году на правой сторонѣ рѣки Теплой, носящей названіе Новаго Луга, тогда было всего три домика, а гора была еще покрыта лѣсомъ. Мнѣ разсказывали, до послѣдней передѣлки дома М а т р о с ъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ близь него была узенькая улица, которая вела

вверхъ на гору и была именно та улица, по которой поднимался русскій Царь для молитвы близъ креста. Этотъ крестъ сохраняющійся и теперь когда вокругъ. и на горѣ и подъ горою, все застроено, былъ вѣроятно и до Петра: разставленные въ разныхъ мѣстахъ по горамъ надъ Карлсбадомъ деревянные кресты считаются здѣсь, а прежде конечно еще больше, неприкосновеннѣйшей святыней и каждый разъ подгнивающій крестъ замѣняется новымъ. Для насъ важно то, что этотъ крестъ прямо противъ оконъ дома Краснаго Орла; онъ могъ напомнить Петру о молитвѣ, онъ могъ указать ему мѣсто для молитвы, гдѣ храмомъ для него служилъ небесный сводъ, и гдѣ дремучій лѣсъ могъ скрывать его отъ глазъ любопытныхъ. И въ 1726 году, какъ видно по изображенію вида Карлсбада, прямо отъ дома Краснаго Орла чрезъ Теплую былъ перекинутъ мостикъ, по которому русскій великій Царь могъ скоро, незамѣченный никѣмъ, и позднимъ вечеромъ и раннимъ утромъ пробираться на мѣсто своего молитвеннаго уединенія; а преданіе именно говоритъ, что онъ отправлялся туда неупустительно ежедневно и утромъ и вечеромъ.

Итакъ по моему мнѣнію Петръ Великій жилъ въ домѣ на мѣстѣ котораго находится теперь домъ Краснаго Орла.*)

---

*) 26 Августа нынѣшняго года надъ дверью этаго дома поставлена мраморная доска съ золотою надписью:

Erinnerung a. Peter d. Grossen.

Здѣсь жилъ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

1711. 1712.

Пост. въ пам. 200 л. Юбил. 1872. М. 30 д,

Неизвѣстно отъ какой болѣзни Петръ лечился въ Карлсбадѣ и какой докторъ его пользовалъ. Извѣстно только, что онъ пригласилъ изъ Карлсбада въ Россію доктора Шобера; можетъ быть это и былъ пользовавшій его докторъ. О способѣ его исченія мы можемъ отчасти заключить по рисунку упомянутой мишени, хранящейся въ залѣ здѣшняго Стрѣлковаго Общества, на которой представлена его лечебная комната съ постелью, такъ какъ по тогдашнему обычаю карлсбадскую воду пили въ постели, и лечебными апаратами : тутъ мы видимъ большой кувшинъ, накрытый салфеткой, конечно съ водою, маленькую кружку, похожую по формѣ на употребляющіяся въ Карлсбадѣ теперь, и мѣтки мѣломъ на стѣнѣ. Видны три группы мѣтокъ : въ одной я насчиталъ семь мѣтокъ, въ другой двадцать три, а въ третьей можно бы кажется насчитать еще больше, если бы къ краю краска на мишени отъ времени не была совершенно стерта. Мнѣ разсказывали любопытный анекдотъ, передаваемый здѣсь отъ поколѣнія къ поколѣнію, объясняющій поводъ, который далъ Петру мысль приказать сдѣлать на мишени, приготовленной для его стрѣльбы, сказанное изображеніе : будто докторъ на первой консультаціи посовѣтовалъ ему выпивать въ день по три кружки, но Петръ понялъ по три кувшина. Вотъ онъ самъ выбралъ себѣ кувшинъ, который показался ему по больше изъ тѣхъ, въ которыхъ обыкновенно въ то время приносили по домамъ горячій шпрудель. Лежа въ кровати онъ выпилъ одинъ такой кувшинъ, уже сталъ допивать другой, приходитъ докторъ. — Ну докторъ, говоритъ ему Петръ; второй то кувшинъ я

допью, но третій едва ли осилю! Тогда докторъ объяснилъ ему его ошибку. И эту курьезную ошибку Петръ хотѣлъ де увѣковѣчить на мишени. Имѣетъ ли какое нибудь дѣйствительное основаніе анекдотъ, или нѣтъ, мы не знаемъ. Но то вѣрно, что на мишени виденъ общій въ то время способъ леченія, тогда пили воду въ комнатахъ и въ постеляхъ и не по три, или по пяти кружекъ, какъ нынѣ, а по тридцати и даже сорока. Нынѣ, чтобы запомнить небольшое число кружекъ, употребляютъ циферблатъ съ стрѣлкою, передвигающеюся надавленіемъ пружины, который носятъ въ карманѣ, какъ часы, а тогда лежащій въ постели просто на стѣнѣ дѣлалъ мѣтки мѣломъ.

Погибель архива здѣшней Думы, а равно и записной книги здѣшняго Стрѣлковаго Общества того времени лишаетъ, насъ возможности узнать о леченіи здѣсь Петра что-нибудь подобное тому, что заключаетъ въ себѣ современная Петру записная книга Стрѣлковаго Общества Теплица о тамошнемъ его леченіи въ 1712 году. Отсюда мы узнаемъ, что въ Теплицѣ Царь, начиная съ 5 ноября ежедневно купался. Не смотря на то, что его ванна имѣла 35° Реомюра, въ ванной его комнатѣ, по его приказанію, была еще поставлена печка, которая сильно нагрѣвалась, а для того, чтобы имѣть столькоже внутренняго, сколько и внѣшняго тепла, онъ, прежде чѣмъ входилъ въ ванну, выпивалъ значительную порцію водки, и просиживалъ въ такой ваннѣ по нѣскольку часовъ. Но таково было его леченіе въ Теплицѣ; о Карлсбадѣ мы незнаемъ ничего подобнаго.

Живой, дѣятельный геній Петра немогъ оста-

ваться въ покоѣ и во время леченія. Въ Карлсбадѣ и его окрестностяхъ неосталось ни одной фабрики, ни одной мастерской, которую бы онъ непосѣтилъ, во многихъ самъ работалъ, въ деревнѣ Hammer'ѣ собственноручно выковалъ подкову. Въ собраніи писемъ Петра во время его путешествій, изданныхъ въ С. П. Бургѣ въ 1830 году, есть четыре письма изъ Карлсбада, одно графу Апраксину о взятіи крѣпости Азова и другіе Куракину, Салтыкову, Синявину касательно флота. И карлсбадское преданіе говоритъ, что Петръ дѣлалъ здѣсь изъ дерева модели укрѣпленій и кораблей, которыя и увезъ потомъ съ собой въ Россію. Въ его время строился домъ Pfau.*) Петръ входилъ на лѣса и работалъ вмѣстѣ съ рабочими. Память объ этомъ весьма ясно сохранилась благодаря одному случаю: Петръ, разсерженный смѣхомъ одного изъ рабочихъ, швырнулъ ему въ лицо полной лопаткой известки, но узнавъ потомъ, что бѣдный рабочій вовсе неимѣлъ намѣренія насмѣхаться надъ нимъ, а смѣялся отъ удивленія видѣть великаго Государя работающимъ съ лопаткою въ рукѣ вмѣстѣ съ рабочими, онъ загладилъ свою раздражительность подаркомъ. Въ національномъ музеѣ въ Прагѣ хранится бѣлая, круговидная, трехъ дюймовая въ діаметрѣ и

---

*) Въ Августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года на этомъ домѣ, поставлена мраморная доска съ слѣдующею надписью:

Peter der Grosse Manerer.
Съ каменьщиками
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ
былъ каменьщикомъ
(1711)
Поставъ въ пам. 200 Юбил. 1872. г. 30. М.

полъ-дюйма въ вышину табакерка, вся изъ слоновой кости, безъ металлической подкладки, съ изображенiемъ на верху крышки сердца, среди котораго видна маленькая ямочка, окружонная неправильными кружками, выточенными рельефно. Подъ крышкою можно прочитать слѣдующiя очень хорошо гравированныя слова: Me manu suâ fecit Petrus I. Magnus; Czarus Moskoviae in Thermis Carolinis A. 1712. Надпись эта сдѣлана конечно послѣ, но въ подлинности происхожденiя табакерки едва ли можно сомнѣваться. Кавалеръ Венцеславъ Гогенфельсъ, тогда чиновникъ при рудникахъ Joахимталь, нашелъ ее въ 1812 году при разборѣ вещей послѣ смерти родственника своего карлсбадскаго доктора Леопольда Михаелисъ; въ 1830 г., будучи уже Императорскимъ Совѣтникомъ Горнаго Департамента, онъ подарилъ ее Пражскому Музею. Есть весьма ясное и кажется достовѣрное преданiе, что Петръ выточилъ изъ слоновой кости табакерку, которую подарилъ тогдашнему Священнику Католической Церкви Матвѣю Бёму. Одна ли и таже эта табакерка, туже ли табакерку видѣлъ въ 1756 году у Токаря въ домѣ Краснаго Орла докторъ Тиллингъ, рѣшить трудно, пока нѣтъ на лицо другой табакерки. Но не мѣшаетъ замѣтить вотъ что: Священник Матвѣй Бёмъ кажется былъ не дюжинный человѣкъ, по чему Петръ Великiй и отличилъ его, въ послѣдствiи онъ былъ канонникомъ и Императорскимъ Совѣтникомъ въ Вѣнѣ; отъ него табакерка едва ли могла попасть къ токарю, чтобы въ 1756 году, именно ее могъ видѣть докторъ Тиллингъ. Весьма вѣроятно, что табакерка Пражскаго Музея и есть видѣнная докторомъ

Тиллингомъ; а табакерка Священника Матвѣя Бёма должна быть другая, тѣмъ болѣе, что подарокъ последнему преданіе относитъ къ 1711 г., когда Петръ оставался въ Карлсбадѣ довольно долгое время, а не къ 1712 году, каковой годъ носитъ табакерка Пражскаго Музея. Къ тому же докторъ Тиллингъ неупоминаетъ вовсе, чтобъ токарь ему сообщилъ, что видѣнная имъ табакерка передана ему кѣмъ нибудь, а какъ будто эта табакерка выточена въ домѣ Краснаго Орла, и оттуда до 1756 года никуда не выходила.

Я уже упомянулъ, что въ 1846 году изъ дома Краснаго Орла появляется столъ, котораго три ноги будто выточены Петромъ Великимъ. Въ этомъ году, по смерти очень старой и очень скупой хозяйки дома, домъ этотъ перешелъ въ другія руки. На чердакѣ нашелся изломанный и даже источенный червями трехъугольный, весьма курьезной формы, игорный столъ. Новый хозяинъ непридалъ никакого значенія этому старью, и продалъ его одному изъ своихъ сосѣдей за 24 крейцера. Его вскорѣ перекупилъ уже за 20 серебрянныхъ гульденовъ, имѣвшій тогда свою лавочку на улицѣ Стараго Луга, столяръ Венцель Вагнеръ, который владѣетъ имъ доселѣ. Столъ этотъ теперь исправленный, при трехъугольной верхней доскѣ, стоитъ на трехъ ножкахъ; верхная доска сдѣлана паркетомъ — крупной мозаикой и на ней на каждой изъ трехъ сторонъ изображены три карты: два туза и одна семерка червей, по сторонамъ же находятся отверстія мѣшечковъ для марокъ и для денегъ; ножки имѣютъ посреди круглые шары между двумя маленькими шариками; подъ столовой доской находится маленькая

цинковая дощечка съ слѣдующей готической нѣмецкой надписью : Anno 1711 den 9. November drechselte Seine Majestät Peter Czar 1. aus Moskau, die drei Tischfüse zum Andenken an Carlsbad. Столяръ Венцель Вагнеръ, теперь уже глубокій старикъ, оставившій всякую работу, живущій въ своемъ домикѣ на улицѣ Оленій Прыжокъ (Hirschensprung), показывалъ намъ много документовъ, въ доказательство подлинности происхожденія своей драгоцѣнной собственности; въ числѣ этихъ документовъ онъ непослѣднее мѣсто даетъ поэмѣ, въ которой какой то Прусскій Гофратъ воспѣлъ эти три ножки стола, какъ подлинно принадлежащія Петру. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ этихъ документовъ оказывается, что бѣдный старикъ поступилъ опрометчиво не закрѣпивъ документомъ того обстоятельства, что, когда онъ покупалъ столъ, на немъ бала цинковая дощечка съ надписью. Впрочемъ старика Вагнера никто не можетъ уличить въ подлогѣ; притязаніе на происхожденіе отъ Петра только ножекъ, а не цѣлаго стола, уже само собою говоритъ за вѣроятность ихъ именно такого происхожденія; а вѣроятность эта еще болѣе увеличивается вѣроятностію жительства Петра Великаго въ домѣ Краснаго Орла, гдѣ у старой и скупой хозяйка этотъ столъ могъ валяться на чердакѣ съ незапамятныхъ временъ, никѣмъ незамѣченной.

11 Ноямбря 1711 года Петръ Великій поднимался на Оленій Прыжокъ (Hirschensprung). Такихъ дорогъ, какія есть теперь для подъема на эту скалу, тогда конечно не было. Преданіе говоритъ, что этотъ подъемъ онъ совершилъ на крестьянской упряж-

ной клячѣ верхомъ безъ сѣдла, въ сопровожденіи компаніи стрѣлковъ и музыкантовъ. Поднявшись на Петровскую Высоту (Peter's Höhe) онъ будто пилъ шампанское за благосостояніе города, и свой стеклянный стаканъ бросилъ подъ гору. Этотъ стаканъ, найденный съ вышибеннымъ краемъ, до настоящаго столѣтія хранился у одного изъ карлсбадскихъ жителей. Но когда въ 30 годахъ одинъ русскій поинтересовался видѣть его, тогда жена владѣтеля его доложила, что она съ другою битою посудою выкинула его въ рѣку Теплую. На большомъ деревянномъ крестѣ, стоящемъ и теперь на Петровской Высотѣ, Петръ собственноручно вырѣзалъ надпись : M. S. P. J. (Manu sua Petrus I., или Imperator). Эта надпись возобновлялась при каждой перемѣнѣ подгнившаго Креста на новомъ до самаго 1835 года, когда, въ ожиданіи пріѣзда В. К. Михаила Николаевича и В. К. Елены Павловны съ ихъ августѣйшими дѣтьми, вмѣсто него на Петровской Высотѣ была поставлена городомъ мраморная доска съ именами всѣхъ Высочайшихъ Русскихъ Особъ бывшихъ въ Карлсбадѣ. На этой доскѣ, существующей и доселѣ, пропущено, впрочемъ, имя Царевича Алексія Петровича, бывшаго въ Карлсбадѣ два раза : въ 1710 и 1714 годахъ, и вмѣсто того ошибочно обозначенъ 1710 годъ, какъ годъ перваго посѣщенія Карлсбада Петромъ I. Мысль поставить эту доску принадлежитъ барону Альфреду де Шабо (de Schabot), французу по происхожденію, но поселившемуся въ Россіи. Предоставивъ выполнить ее городской Думѣ, онъ отъ себя сдѣлалъ на скалѣ по этому случаю слѣдующую надпись :

Majestueux rochers, geants de la vallée,
Votre aspect imposant exalte la pensée,
Eveille dans les coeurs des sentiments nouveaux
Et rend plus cher encore le beau sejour des eaux.
L' ame sur ce rocher n' est — elle pas émue?
Ce symbole sacré, qui s' offre à notre vue,
Qui de Pierre-le Grande dans les bras fut pressé,
Au pied duquel par lui ce souvenir laissé, *)
Ne revéle-t-il pas à toute la contrée,
Que par ce grand génie elle fût visitée?
Carlsbad avec amour couserve dans son sein
Les précieux objets lravaillés de sa main,
Ainsi que dans Saardam, ce créateur sublime
Frequente l' artisan que sa presence anime,
Se mêle à ses travaux, à ses fêtes, ses jeux;
Les cîbles de son tir sont encore dans ces lieus.
Mais que vois-je? L' aspect sur ce sommet tout change,
Hier, pour y parvenir, il fallait être un ange;
Accessible aujourdhui, le burin avec art
Trace sur le granit l' immortel nom du Czar!
Nobles chefs du pays, gloire vous soit acquise!
Qu' au puissant Nicolas cette action transmise
Indique avec quel art vous savez honorer
Celles qu' à votre garde il daigna confier!

Теперь этой длинной надписи уже не существуетъ; а вмѣсто нея, рядомъ съ мраморною доскою, на двухъ отдѣльныхъ маленькихъ жестяныхъ доскахъ находятся слѣдующіе русскіе стихи князя Вяземскаго съ нѣмецкимъ, позже сдѣланнымъ, переводомъ:

Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца русскаго есть памятникъ священный,

*) M. S. P. J.

И здѣсь, средъ гордыхъ скалъ, Твой образъ незабвенный
Встаетъ въ лучахъ любви, и славы побѣдъ.
Намъ святы о тебѣ преданья вѣковыя,
Жизнь русская тобой еще озарена
И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна
Твоя великая Россія.
1853. г. К. П. Вяземскій.

O Grosser Peter! Jede Deiner Spuren
Für's Herz des Russen ist ein heilig Denkmal!
Dein herrlich Bild hier unter stolzen Felsen,
Erglänzt in Liebe, Ruhm und Siegesstrahl!
Was uns bekannt von Dir, ist uns ein Heiligthum:
Ganz Russlands Leben ist von Dir durchglüht,
Treu der Errinn'rung Deiner, Grosser Peter!
Die Russland gross in alle Zeit erblüht!
(17) 29. September 1866.

Память о Петрѣ особенно живетъ въ здѣшнемъ Стрѣлковомъ Обществѣ, которое въ тѣ времена имѣло свое помѣщеніе на концѣ Стараго Луга, гдѣ нынѣ находится такъ называемая Пуппова Аллея (Puppische Allée). Оно имѣло отъ того времени Памятную книгу, которая погибла во время страшнаго пожара Карлсбада еще въ прошломъ столѣтіи и мы вмѣстѣ съ этимъ лишились можетъ быть многихъ драгоцѣнныхъ о Петрѣ воспоминаній. Но общество издавно имѣетъ обычай хранить мишени всѣхъ замѣчательныхъ людей, которые когда либо вступали въ состязаніе въ стрѣльбѣ съ его членами, ими оно украшаетъ свою залу и такія мишени есть у него съ конца XVII. вѣка. Три такихъ мишеней хранитъ оно отъ Петра Великаго,

и онѣ всѣ обозначены 1711 годомъ. Одну изъ нихъ мы описали выше — это самая большая, аршина полтора въ діаметрѣ, прострѣленная въ нѣсколькихъ мѣстахъ пулями въ голубиное яйцо. Другія двѣ меньше: одна представляетъ Шпрудель, главный источникъ горячей воды, бьющій фонтаномъ изъ земли; другая представляетъ ванну, изъ которой выходитъ молодая женщина in naturalibus — это можетъ быть таже какое-нибудь воспоминаніе изъ его карлсбадской жизни.

Но особенно живой памятникъ о Петрѣ составляетъ такъ называемый фондъ Царскаго вина. Исторія происхожденія этого фонда весьма любопытна. Императоръ Карлъ VI. прислалъ въ Карлсбадъ Русскому Царю 12 эймеровъ или 960 бутылокъ хорошаго рейнскаго вина. Петръ не принялъ этого вина, какъ „не совмѣстнаго съ діетой при пользованіи водами.“ Впрочемъ настоящая причина этого отказа, говорятъ, заключалась въ томъ, что подарокъ былъ адресованъ Его Царскому Величеству, а не Императорскому, какого титула Петръ добивался тогда отъ иностранныхъ Дворовъ; къ тому же между Русскимъ и Нѣмецкимъ (Вѣнскимъ) Дворами тогда отношенія были довольно помянутыя. Такое объясненіе отказа вѣроятно тѣмъ болѣе, что тогдаже прислалъ въ подарокъ Петру такое же количество вина Богемскій Сеймъ: онъ принялъ его и подарилъ его Стрѣлковому Обществу на премію за удачный выстрѣлъ. Въ состязаніи принялъ участіе и самъ Петръ. Ударъ его былъ самый мѣткій, и онъ выигралъ свой подарокъ, который снова подарилъ стрѣлкамъ. Тогда вино было продано какъ царское вино, а выру-

ченныя деньги и теперь составляютъ фондъ въ 241 гульд. 20 кр., проценты котораго 12 гульд. 25 кр. городская Дума ежегодно выдаетъ Стрѣлковому Обществу на его годовый праздникъ. По книгамъ городской Думы этотъ фондъ записывается непрерывно только съ 31 Августа 1793 года. Нѣсколько пожаровъ, истреблявшихъ архивъ городской Думы и перепутывавшихъ городское хозяйство, неоднажды давали поводъ стереть съ лица земли фондъ царскаго вина; но память о немъ была до того жива, что никто не осмѣлился и вѣроятно не осмѣлится наложить на него свою руку.

По народной памяти, Русскій Царь весьма благосклонно относился къ граждакамъ Карлсбада; онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ брачное торжество слесаря (фабриканта кожей) Эрба съ Сабикою Штёръ; многихъ мастеровыхъ приглашалъ къ себѣ въ Россію, но никто не поѣхалъ. Во объясненіе послѣдняго обстоятельства, кромѣ характера домосѣдства, свойственнаго карлсбадцамъ, народный голосъ прибавляетъ, что приглашонныхъ пугала горячность Царя, которую онъ показалъ, кромѣ дома Pfau, еще въ стрѣлковомъ обществѣ. Здѣсь Петръ, упражняясь въ стрѣльбѣ, однажды давалъ одинъ за другимъ такіе мѣткіе удары, что стоявшій въ сторонѣ одинъ стрѣлокъ отъ удивленія заплясалъ и запрыгалъ; Царя это разсердило — ему показалось, что стрѣлокъ хотѣлъ развлечь его глазъ и меткость — и онъ слѣдующій ударъ далъ въ плясуна, но къ счастію мимо. И на этотъ разъ Петръ загладилъ свою горячность подаркомъ. Какъ бы то нибыло, но горячность Царя преданіе связываетъ съ

тѣмъ обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ карлсбадцевъ не согласился на приглашеніе ѣхать въ Россію.

Всѣ преданія Карлсбадцевъ о Петрѣ относятся къ 1711 году. О пребываніи его въ 1712 они знаютъ мало или почти ничего. Это легко объясняется тѣмъ, что вторичный пріѣздъ царя былъ для нихъ уже неновость и не могъ произвести на нихъ такого впечатлѣнія; къ тому же второй разъ Петръ оставался въ Карлсбадѣ недолго.

Въ фамиліи князей Кляри, которые въ тѣ времена владѣли Теплицкими Водами, сохраняются три письма отъ Богемскаго Намѣстничества о пріѣздѣ Петра въ Теплицъ въ 1712. Первое письмо отъ 25 Октября требуетъ, чтобы русскому Царю была предоставлена большая баня и чтобы въ ней была поставлена печка; второе отъ 31 Октября извѣщаетъ, что царя сопровождаетъ 200-ный отрядъ гвардіи; третье отъ 3 Ноября извѣщаетъ, что царь будетъ въ Теплицѣ 5 Ноября. Изъ записной книги Стрѣлковаго Общества Теплица мы узнаемъ, что Петръ не только дѣйствительно пріѣхалъ въ Теплицъ 5. Ноября, но съ этого же дня началъ уже свои купанья. Между тѣмъ въ упомянутой намъ очень рѣдкой книгѣ: Новый улучшенный и умноженный Императорскій Карлсбадъ, изданной 1734 г., положительно сказано, что Царь пріѣхалъ въ Карлсбадъ въ концѣ Октября (Endes Octobris). Стало быть Петръ могъ прожить въ Карлсбадѣ много десять дней; едвали онъ выдержалъ здѣсь полный курс леченія, и можетъ быть на этотъ разъ онъ вовсе не лечился здѣсь. Но нельзя думать, что онъ былъ здѣсь для удо-

вольствія. Карлсбадъ, можетъ быть по осеннему времени, въ которое онъ пріѣзжалъ сюда, ему неособенно нравился, чтобы онъ могъ быть здѣсь только изъ удовольствія. Въ одномъ письмѣ изъ Карлсбада онъ такъ описываетъ это мѣсто: „мѣсто здѣшнее столь весело, что поистинѣ честною тюрьмою назваться можетъ; понеже между такими горами стоитъ, что солнца почитай не видать.“ Для насъ, впрочемъ, пребываніе Петра въ Карлсбадѣ въ 1712 году замѣчательно тѣмъ что онъ въ этотъ разъ былъ здѣсь съ великимъ философомъ Лейбницемъ.

Петръ Великій познакомился съ Лейбницемъ какъ разъ послѣ перваго карлсбадскаго леченія въ концѣ 1711 года въ Торгау (крѣпость на Элбѣ), куда онъ пріѣхалъ на свадьбу своего сына Алексія Петровича съ принцессою Шарлотою Брауншвейгъ Вольфенбюттельской, куда былъ приглашенъ и Лейбницъ. Вскорѣ послѣ перваго личнаго знакомства съ Петромъ, отъ 8 Декамбря 1711 года Лейбницъ писалъ аббату Фабрицію: „я пріѣхалъ въ Торгау менѣе всего для того чтобы видѣть брачное торжество, а болѣе для того, чтобы подивиться славному царю. Я не раскаеваюсь. Этотъ Государь надѣленъ величайшими достоинствами.“ Позже отъ 2 Іюня 1716 года Лейбницъ писалъ: „я дивился въ этомъ Государѣ не только его человѣчности, но и его пониманію вещей и мудрости его сужденія.“ Одну изъ своихъ памятныхъ записокъ Лейбницъ начинаетъ именно тѣмъ, что говоритъ о благосклонномъ пріемѣ, котораго его удостоилъ царь въ Торгау. Великій Государь нашолъ въ философѣ самый смѣлый, самый свѣтлый и всеобнимающій госу-

дарственный умъ; въ свою очередь и философъ признаетъ въ нашемъ великомъ преобразователѣ самаго энергичнаго, самаго способнаго изъ государей своего времени.

Въ Карлсбадѣ отношенія философа и царя становятся тѣснѣе. Лейбницъ былъ присланъ сюда къ Петру Герцогомъ Ульрихомъ Брауншвейгъ Вольфенбюттельскимъ съ секретными инструкціями уладить добрыя отношенія между Царемъ и Нѣмецкимъ Императоромъ. Съ этою же цѣлію вскорѣ послѣ того Лейбницъ отправился въ Вѣну, куда къ нему пришло отъ царя собственноручное письмо — патентъ, которымъ Петръ назначаетъ Лейбница своимъ Тайнымъ Совѣтникамъ Юстиціи съ тысячою экю пенсіона. „Мы рѣшили, говоритъ Петръ въ этомъ патентѣ, употребить ваши услуги къ усовершенствованію образованія, искуствъ и наукъ во всей нашей Имперіи.“ Лейбницъ еще прежде писалъ Петру: „Я охотно включаю себя въ число тѣхъ, которые для блага Имперіи Вашего Царскаго Величества готовы сдѣлать то, что въ ихъ власти.“

Именно въ Карлсбадѣ и лично Петръ обсуждалъ съ Лейбницемъ множество реформъ, предположенныхъ имъ для Россіи. Въ Памятной Запискѣ, которую Лейбницъ прислалъ царю отъ 26 Октября 1713 г., говорится: „Ваше Царское Величество удостоиваете меня спрашивать, чѣмъ я могу болѣе дѣйствительно содѣйствовать уясненію и поддержанію добрыхъ законовъ въ вашей обширной Имперіи, а также возвышенію искуствъ и наукъ? Что касается послѣднихъ, я уже имѣлъ честь предлагать Вашему Величеству сло-

весно и письменно“ и пр. Лейбницъ совѣтовалъ основать Академію, девять разныхъ императорскихъ коллегій, устроить обсерваторію, заняться сравнительнымъ изученіемъ употребляемыхъ въ Россіи языковъ съ пособіемъ молитвы Отче нашъ и Десяти Заповѣдей, улучшить финансы и школы. Въ сказанной запискѣ онъ между прочимъ говоритъ: „Прежде всего я скажу, что Москва, какъ столица, Астрахань. Кіевъ и Петербургъ, мнѣ кажется, заслуживаютъ особеннаго вниманія, чтобы тамъ основать университеты, Академіи, школы и все съ ними связанное; но особенно нужно установить добрые общіе порядки для воспитанія юношества и для предупрежденія тѣхъ злоупотребленій, которыя вкрались въ большую часть университетовъ, обществъ и школъ Европы“ и пр. Въ годъ своей смерти, отъ 22 Іюня 1716 года 70-лѣтній Лейбницъ писалъ Вице-Канцлеру Россійской Имперіи, барону Шафирову: „когда Его Величество изволилъ говорить мнѣ въ Карлсбадѣ, что онъ хочетъ употребить меня также въ дѣлахъ юстиціи, я тогда предлагалъ завести такіе судебные порядки, которые бы заняли истинную средину между длинными и разорительными процессами Европы и скороспѣлыми и произволивши приговорами судовъ Азіи. Этихъ крайностей нужно избѣгнуть въ Россійской Имперіи.“

Такъ Петръ и при леченіи водами и вдали не забывалъ любимой имъ Россіи! Въ его жизни если что мы можемъ найти поразительнаго, то это одушевленную и могущую насъ одушевить любовь его къ своему отечеству. Въ нашихъ ушахъ также порази-

тельно звучатъ самоотверженныя слова его Полтавскаго Приказа, какъ онѣ звучали и его сподвиженикамъ: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего!“

Слово сказанное въ Петро-Павловской церкви въ Карлсбадѣ 30 мая 1872 года.

„Любезные мои братія по вѣрѣ и отечеству!

„Вы знаете, что въ настоящія минуты на всемъ громаднѣйшемъ пространствѣ нашего дорогаго отечества вспоминается имя преобразователя Россіи, Петра Великаго, со времени рожденія котораго нынѣ исполнилось 200 лѣтъ.

„Вспомнятся нынѣ его великія дѣла и произнесется ему безконечное множество похвалъ. Вспомнятся можетъ быть и его слабости и, такъ какъ слабые люди строги бываютъ къ слабостямъ великихъ людей, если не въ публичныхъ бесѣдахъ, то въ бесѣдахъ частнаго характера, произнесутся надъ нимъ можетъ быть и слова осужденія.

„Я не могу говорить похвальнаго слова великому преобразователю. Все, что я могъ бы сказать, въ этомъ смыслѣ, въ моемъ короткомъ словѣ, показалось бы фразами, которыя въ полтораста лѣтъ послѣ его кончины повторялись уже на тысячу ладовъ и которыя конечно уже не разъ раздавались и въ вашихъ ушахъ. Вы знаете его дѣла и съумѣете въ сердцѣ своемъ отдать ему должное: его дѣла, о которыхъ преданія сохраняются даже здѣсь, славнѣе всякой рѣчи.

„Тѣмъ менѣе я осмѣлюсь судить великаго человѣка. Нынѣ и исторія отказывается отъ прежней своей задачи нравственнаго судіи надъ почившими великими людьми: она только объясняетъ ихъ харак-

теръ а добрыя и дурныя стороны ихъ дѣяній. Не судить и мы собрались въ Этомъ храмѣ.

„Мы собрались вспомянуть нашего великаго Государя и помолиться о немъ, собрались вспомянуть его въ нашихъ молитвахъ.

„Въ обычной жизни воспоминаніе о какомъ нибудь дѣятелѣ состоитъ обыкновенно въ переборкѣ всѣхъ его дѣйствій и дѣяній въ сужденіяхъ о его достоинствахъ и недостаткахъ. Это мы и называемъ на обычномъ нашемъ языкѣ воспоминаніемъ.

„Но я позволяю себѣ сказать на Это, и прошу васъ вдуматься, справедливы ли мои слова, — если мы только Этимъ ограничиваемъ наше воспоминаніе, то оно по своему содержанію не далеко будетъ отъ того понятія, которое мы обозначаемъ названіемъ пересудовъ. Кто насъ поставилъ судіями, спросимъ мы сами себя словами Спасителя, и особенно надъ почившими, которыхъ духъ въ рукахъ Божіихъ?

„Обратите вниманіе на одно явленіе нашей жизни. Съ недавняго времени мы съ особеннымъ почтеніемъ стали относиться къ замѣчательнымъ дѣятелямъ нашей государственной, церковной и общественной жизни, не только умершимъ, но даже и живымъ. Доброе явленіе! Нужно радоваться ему: мы цѣнимъ людей дѣла, — мы стало быть отъ себя требуемъ дѣла; стало бы наше общество тверже становится на пути къ совершенствованію, которое и состоитъ въ укрѣпленіи и развитіи доброй дѣятельности.

„Но замѣчаете ли вы мрачную сторону въ Этомъ добромъ явленіи — что во всѣхъ Этихъ празднованіяхъ, во всѣхъ такъ-называемыхъ юбилеяхъ то возникаютъ недовольства на Эти празднества, какъ устроиваемыя въ честь людей, которыхъ инымъ хотѣлось бы видѣть достойными не чести, а забвенія, — то поклоняются прославляемымъ дѣятелямъ до обо-

жанія, до униженія собственнаго достоинства? Это крайности, это недостатки, отъ которыхъ желательно было бы видѣть наше общество освободившимся.

„И каждый изъ насъ будетъ свободенъ отъ этихъ крайностей, если чествуя память великихъ дѣятелей будетъ остерегаться давать своимъ воспоминаніямъ характеръ публичныхъ пересудовъ, не будетъ останавливаться только на праздныхъ толкахъ о дѣяніяхъ лица, его достоинствахъ и недостаткахъ. Воздавать дань уваженія памяти великихъ дѣятелей въ извѣстные дни и въ извѣстныхъ случаяхъ не значитъ только вспомнить ихъ жизнь и дѣянія, и сдѣлать ихъ предметомъ сужденій нашихъ не значитъ только высказать имъ нѣсколько пышныхъ полвалъ, на которыя иной можетъ отвѣтить даже порицаніями, а значитъ воспріять въ свое сердце и свою душу ту искру Божію, которая въ великихъ дѣятеляхъ всегда горитъ ярче, такъ что ея свѣтъ достигаетъ до насъ и, воспринимая ее, такъ-сказать внутренно обязаться разжечь ее и въ себѣ такъ, чтобы она могла закрыть недостатки и воспоминаемаго и чествуемаго нами дѣятеля, и уничтожать наши собственные. Потрудившійся дѣлалъ свое дѣло, — ему за это честь. Онъ имѣлъ недостатки : такъ отбросимъ же его недостатки, а продолжимъ и разовьемъ его доброе дѣло!

„И при нашемъ празднествѣ мнѣ пришлось услышать слова недовольства, простиравшагося до нежеланія участвовать въ празднествѣ. „Церкви ли чествовать Петра I.?“ говорили намъ. Странное понятіе о церкви, которую, вызывая на свѣтъ разные историческіе дрязги, хотятъ сдѣлать мстительницею!

„Не метить, не судить, не разсыпать пышныя похвалы Петру I. собрались мы въ этомъ храмѣ. Мы собрались вспомянуть его въ нашихъ молитвахъ, мы собрались молитвою войти въ общеніе съ его великою душою, сдѣлаться участниками того божественнаго

пламени, который горѣлъ въ его душѣ, можетъ быть только не всегда видимо для міра, собрались дать нравственное обязательство продолжать строить на добрыхъ, на крѣпкихъ положенныхъ имъ основахъ и выбросить изъ нихъ то, что въ нихъ положено по ошибкѣ и по невѣденію, и что само собой болѣе или менѣе обветшало.

„И для этого въ настоящія минуты я хотѣлъ бы, чтобы вы представили этого великаго человѣка не въ томъ положеніи, когда его душа направляетъ его сильный организмъ въ мастерствѣ плотника, кузнеца или корабельнаго строителя, когда онъ является полководцемъ или солдатомъ. Все это вы знаете съ вашего дѣтства: въ этомъ положеніи дивились, дивятся и не перестанутъ дивиться великому монарху не только его подданные, но и весь міръ; въ такомъ положеніи его уже воспроизводили въ многоразличныхъ рѣчахъ, начиная съ отца нашей словесности Ломоносова, и въ различныхъ картинахъ; въ этомъ положеніи конечно и нынѣшній день будутъ воспроизводить его въ рѣчахъ, которыя раздадутся на всѣхъ концахъ нашего великаго отечетсва. Нѣтъ, не въ этомъ положеніи я хотѣлъ бы, чтобы вы представили его. Представьте Петра I. молящимся!

„Да, Петръ I. молился... Здѣсь въ Карлсбадѣ сохранилось имѣющее историческую достовѣрность преданіе, что Петръ I. во все время своего пребыванія здѣсь ежедневно поутру и вечеромъ выходилъ на противолежащую его жилищу гору помолиться, разставляя своихъ слугъ на нѣкоторомъ разстояніи вокругъ, чтобы его никто не могъ безпокоить въ его уединенныхъ молитвенныхъ размышленіяхъ. Мѣсто молитвы Петра I., находящееся недалеко отъ этой нашей церкви, теперь застроено домами, но на самомъ мѣстѣ молитвы стоитъ еще деревяный крестъ.

„Петръ Великій въ смиренномъ положеніи молящагося!... И вотъ, онъ гораздо болѣе великъ въ этомъ положəніи, чѣмъ даже въ самую великую минуту своей жизни, являясь рѣшителемъ судебъ Россіи на полѣ Полтавской битвы! Я не могу представить его въ эту рѣшительную минуту иначе, какъ съ глубоко задумчивымъ выраженіемъ на лицѣ, въ молитвенномъ преданіи себя волѣ Божіей, которое одно могло сообщить ему ясность духа среди грома орудій. Была у Петра I. другая рѣшительная минута, когда онъ произносилъ судъ надъ собственнымъ сыномъ, дѣлая это во имя блага своего народа. Гдѣ почерпнулъ онъ эту рѣшимость? Историкъ высказалъ бы только непониманіе человѣческой природы, еслибы сказалъ, что его подвигнули на это жестокость его характера и интриги окружающихъ его людей. Нѣтъ, жестокіе люди не бываютъ рѣшительны, — интриги не двигаютъ рѣшительными характерами. И въ эту страшную минуту мы не можемъ представить Петра I. иначе, какъ молящимся: только въ молитвѣ онъ могъ дойти до забвенія собственной человѣческой природы и промѣнять жизнь сына на пользу своего отечества.

„Да, Петръ Великій молился и здѣсь. Мы теперь имѣемъ возможность собираться для молитвы въ храмъ. Для него храмомъ тогда было открытое небо. Мы собираемся для молитвы вмѣстѣ; онъ уединялся. Одинокъ онъ былъ съ своимъ геніемъ въ своей дѣятельности, — такимъ онъ является и въ своей молитвѣ. И было ему о чемъ молиться. Онъ за все долженъ былъ браться самъ, чтобы учить другихъ; онъ вездѣ долженъ былъ начинать, всюду долженъ былъ бороться съ предубѣжденіями, препятствіями и враждою. Чувство одиночества проглядываетъ во всей его дѣятельности: только во Всевышнемъ онъ могъ находить себѣ опору. Здѣсь въ Карлсбадѣ съ философомъ Лейбницемъ онъ обдумывалъ многія реформы

для Россіи и въ молитвѣ искалъ рѣшимости исполнить ихъ.

„Помолимся же о Петрѣ I., молившемся здѣсь. Помолимся тою живою молитвою, которая состоитъ въ общеніи душъ въ Богѣ, въ той искрѣ Божіей, которая горитъ и въ насъ, которая горѣла и горитъ въ живущемъ среди насъ духѣ Петра I., которая должна побудить и насъ разжечь тотъ пламень добра, который былъ зажженъ Петромъ I.

„Помолимся и о царствующемъ нашемъ Государѣ, достойнѣйшемъ продолжателѣ и довершителѣ дѣла Великаго Петра, да духъ Петра съ его божественною искрою будетъ всегда присущъ Ему въ его многотрудныхъ дѣлахъ и въ Его многоразличныхъ реформахъ.“

